

ФЕДОР АБРАМОВ
МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА

Рассказ
(фрагмент)

...

3

Не знаю, выходил ли в тот вечер и в ту ночь медведь на овсы, но все равно мы бы не смогли его взять. Туман был такой плотный и так высоко поднялся над землей, что мы едва не заблудились в полях, отыскивая дом. Спасибо Евлампию Егоровичу. Здешние места знакомы ему с детства, и он каким-то собачьим нюхом угадал жильё. У предусмотрительного Захара Воденникова оказалась сухая береста (каждый по-своему пригодился), в темноте на ощупь отыскивали дрова.

Когда разгорелся огонь, я сперва увидел мокрую рябину с обломанными нижними ветвями и красными кисточками ягод, потом пламя стало ярче, и за рябиной проступили бревенчатые стены. Рам нет — черные провалы вместо окон.

А слева от нас, за травянистым проулком, был тоже дом и тоже без окон, и такой же густой туман окутывал его.

Капшин, задумчиво похрустывая сухарем, посмотрел в черноту августовского неба.

— Да, два доходяги остались. А раньше тут целая деревня была, девятнадцать домиков... Скоро и этих не будет. Прошлой весной охотники спалили один дом. Додумались, суки, у огонька в избе погреться.

— Ну, а хозяйева?

— Что хозяйева? Разбрелись. Кто на лесопункт — тут недалеко, километров шесть, кто подальше тягу дал, а кто в Ширяево. Евлампий Егорович, сколько к вам переехало?

Старый учитель подумал:

— Пятеро.

— Ну, вот видишь. Не захотели в большое село переезжать. А почему? Чего они здесь видели? Ни кина, ни клуба. И детям в школу за девять верст... — Капшин, держа над огнем отсыревший ватник (мы все сушились), покачал головой. — А между прочим, в лесу, в лесу жили, а народишко ничего был — сознательный. Я в райкоме работал. Заем, скажем, или хлебопоставки, — у нас с этим починком никакой волокиты. Раз надо, так надо. Жили, правда, они подходяще. Можно сказать, в масле купались.

— Так ведь их сметанниками и звали, — уточнил Евлампий Егорович. — Бывало, дегтя нету — на сметане едут. Все меньше ось горит. Дед Корней мастак был на такие штуки. У него и первая изба тут была на свой манер. Околенки маленькие, под самой крышей...

— Вот как! — удивился Капшин. — Вы, Евлампий Егорович, и первую избу помните? А я-то думал — этому починку лет сто, не меньше.

— Нет, меньше, — ответил старый учитель. — На моей памяти дело было. Помню, хорошо помню первую корнеевскую избу. Раз пошли мы с мамой по ягоды. А мама у меня ходок в лесу была неважный — заблудились. И вот кружим, кружим по лесу. Я, ребенок, плачу, мама плачет — далеко зашли. И вдруг видим — в лесу изба. Новая. И дым из трубы. «Ну, слава богу, — говорит мама, — теперь-то, Евлашка, не пропадем, к Корнеевой избе вышли...» Я как теперь вижу эту избу... — Евлампий Егорович поводит вокруг стариковскими глазами, словно отыскивая то место, где стояли Корнеевы хоромы, помолчал. — Да, занятная была изба. Бревна толстые-толстые, в обхват, а окошечки малюсенькие, ну, прямо как в бане. И я еще, помню, спросил тогда у мамы: зачем, говорю, такие маленькие окошечки? «А затем, — говорит, — что стекла меньше надо. Корней

заново строится, каждая копейка вперед рассчитана. А еще, — говорит, — комар не так поползет в избу». Страсть тут комара было. Лешье царство... А потом недалече от избы мы и самого Корнея увидели. Лес с сыновьями корчует...

— Крепкий старик был?

— Крепкий. Росту — не скажу чтобы большого. Среднего. Даже чуть поменьше. А медвежья сила была у человека. Ведь это все его руками разворочено. — Евлампий Егорович для наглядности сделал рукой полукружье. — Бульдозеров тогда не было. Правда, семейка у него была соответственная. Семеро детей, и все семеро — мужики. Сам Корней на волос был темный, а сыновья не в него, в мать. Все, как один, светловолосые и росляки-парни.

— А это точно, — с улыбкой кивнул мне Капшин, — весь починок тут был светловолосый. Помню, бывал.

— Нет, не весь, — деловито поправил его Евлампий Егорович. — После Корней сманил к себе двух мужиков из соседней деревни — те другой породы были... Совсем другой...

— Ладно, ладно, — живо перебил старика Капшин, видимо, как и я, боясь, что он со свойственной ему обстоятельностью переключится сейчас на этих мужиков. — Давай про Корнея. Как вас принял Корней?

— А чего принимать? На расчистке пни с сыновьями корчует — до нас ли ему? Подошел, поздоровался с мамой и прямо к делу. «Вот что, говорит, Аграфена. Отдай, говорит, за моего Петруху Тоньку». А Тонька — это моя сестра, на пятнадцатом году. Какая еще невеста? «Ничего, говорит, годик подождать можно». «Нет уж, — отвечает мама, — тебе, Корней Иванович, работницу надо, а Тонька у меня слабая. Не отдам свою дочь вам на муки. Одна она у меня». «А это, — говорит, — верно ты сказала, Аграфена. Не на сладкую жизнь возьмем твою Тоньку. Видишь, — говорит, — сколько у меня дела. Мне, — говорит, — девка надо такая, чтобы спереди была баба, а со спины — как лошадь». Запомнил я эти слова: «Да чтобы каждый год по мужику рожала. А Тоньку твою, — говорит, — я видел в работе. Подойдет. Готовься, — говорит. — Осенью приедем».

— Вот черт! — с чисто детским восхищением воскликнул Капшин. — Так и сказал?

— Да, так и сказал. Но Антонину, мою сестру, в то лето дядя в Вологду увез, в прислуги определил — тем и спаслась. А если бы не дядя — быть бы мне сродником Корнея Ивановича. Корней Иванович от своего слова не отступался. Раз определил, что девка для его семьи подходяща, — все. Приедет в деревню, посватается, честь соблюдет. Идет девка своей волей — хорошо. А нет — и так возьмет. Нагрянет это своей лесной ордой, девку в сани, в телегу, — только и видели. Главное ему было высмотреть. Чтобы девка подходяща была. Ежели надо, и за тридцать, и за сорок верст скачет. Один раз мужики его за эти выходки едва не убили.

— Да ну? — воскликнул Капшин.

— Точно. В петров день дело было. Мы с ребятами бегаем на улице, и вдруг крик на всю деревню: лесовики Маньку Прохора Кузьмича увезли. А народ о празднике, сами знаете, шальной, пьяный. Топоры, колья похватали да на починок. А на починке тоже не спят. Коренята-бородачи стеной стоят. И тоже с топорами. Ну, Корней Иванович нашелся. Из ружья выстрелил и с медалью к народу вышел. «Что вы, — говорит, — дураки, — это мужикам-то. — Опомнитесь! Я, — говорит, — российское дело делаю, землю из-под леса добываю. А вы на меня войной. Уйдите, — говорит, — ради бога, от смертоубийства...» Ну, Прохор Кузьмич, отец Маньки, видит такое дело, — на попятный: девка все равно ославлена. Поздновато кулаками махать. Раньше надо было меры принимать. Корней подавал ему сигналы. Предупреждал насчет Маньки...

— Да, — задумчиво сказал Капшин, — характер. «Российское дело делаю...» А что, пожалуй, что и так. Не сама же Россия распахивалась. Кто-то ее расчищал от лесов, от дебрей. В старину, сказывают, не то что у нас, на Севере, — под Киевом леса

непроходимые были. Илья-то Муромец там Соловья-разбойника словил. Так ведь, Евлампий Егорович?

Евлампий Егорович молча кивнул, с сухим шелестом потер свои стариковские руки над огнем. Захар Воденников, все время слушавший его с полукрытым ртом (он был туговат на ухо), глубоко вздохнул и достал пачку «Севера». Но закуривать раздумал.

Капшин положил на огонь новую валежину. Это был косяк от дверей с железным пробоем. Возле пробоя в косяке небольшие ямки. Это от рук, от их многолетнего касания к дереву...

Я посмотрел на дом с рябиной. Крыльца нет. Наружных дверей в сени нет. К порогу приставлена плаха, и по ней теперь поднимаются в избу.

И вдруг я услышал:

— А я этого Корнея в тридцатом году раскулачивал.

Капшин, сидевший со мной рядом на бревне, вздрогнул и дико уставился на Захара Воденникова.

— Да, повозились мы тогда с этим починком, — сказал Захар Воденников. — Главная загвоздка у нас в том вышла, под какую статью подвести. Старик на законы все напирал. «Вы, — говорит, — сперва докажите, что я эксплуатировал...» Дошлый старик.

Евлампий Егорович начал подыматься.

— А что, ребятушки, не пора ли нам на покой?

Мы встали.

Захар Воденников, прежде чем расстаться с огнем, вытащил из-за пазухи две заранее приготовленные ватные затычки и заткнул уши.

— От командировок у меня это, — пояснил он, встретившись со мной взглядом. — В командировках здоровье растряс. Считай, с тридцатого, с того самого, на руководящей.

...

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник публикации: Медвежья охота : рассказ // Звезда. — 1965. — № 10. — С. 112—118